

зывает значительное влияние на все области духовной культуры. Можно отметить еще многочисленные школы и школы, занимающие промежуточный характер между этими двумя основными способами понимания мира.

Поэтому мы обращаемся к различным течениям, получившим широкое распространение в общественном сознании. Мы рассмотрим валеологию, эзотерику и космизм, которые на первый взгляд не имеют никакого отношения к биологической теории эволюции, но на деле они являются конкретными носителями эволюционной идеи — проводниками ее влияния на менталитет эпохи. Идея эволюции незримо присутствует в постулатах этих учений, в их основаниях, самом слое предпосылочного знания, на котором эти учения построены.

Прежде всего нужно было обратиться к исследованию течений, непосредственно связанных с биологической наукой и содержащих научную теорию эволюции в основании своего учения. В качестве такого примера мы взяли валеологию — течение в околонуковом менталитете, претендующее на создание новой интегральной науки о здоровье. Валеология, как и многие другие ментальные направления (например, социобиология, когнитивная эволюция, биополитика), возводит здание своих научных построений на фундаменте биологического эволюционизма.

Далее мы рассмотрим чрезвычайно популярные сегодня учения русского космизма. Рассматриваем и учения теософии и Живой Этики, как современные формы оккультизма, который также оказывается под сильнейшим давлением эволюционных взглядов. Это учение альтернативно научному знанию. Оно мифологизирует эволюционную теорию и резко отличаются от течений (типа валеологии), в которых проекция на культуру эволюционных идей идет через научные представления. Но тем более интересно посмотреть, чем оборачивается идея эволюционизма в «оккультном исполнении», и к каким мировоззренческим результатам может привести ее эзотерическое прочтение.

Но сначала подойдем к вопросу о характере аксиологического воздействия эволюционной теории на культуру.

Теория эволюции в ценностном измерении

Прежде чем исследовать влияние теории биологической эволюции на культуру, нужно сначала рассмотреть, как сама культура влияет на эволюционную теорию и как воздействуют мировоззренческие приоритеты эпохи на характер фундаментальных представлений науки об эволюции жизни.

Очевидно, прежде всего надо определить значимость аксиологической проблематики в естественнонаучной теории эволюции. В связи с этим необходимо прояснить само понятие ценностей и затем посмотреть, какова их роль в науках о живом.

Ценностное представление об объекте отличается от научного. Это видение объекта как полезного, вредного, плохого, хорошего, доброго или злого. Такое видение недоступно естествознанию, поскольку последнее не имеет средств для того, чтобы передать, например, бесчеловечность атомной бомбардировки или ужас газовых камер Освенцима. Наука способна здесь зафиксировать лишь факт протекания определенных физико-химических процессов. Оценка этих процессов — это подход к ним совсем с другой стороны — со стороны отношения их к человеку, значения их для человека. Это не естественнонаучная, а аксиологическая позиция в отношении к объекту, иное его измерение. Это значимость предмета для нас в отличие от его существования без нас, самого по себе, в соответствии с его собственными законами развития. Это и представления о том, каким должен

быть объект (процесс, событие) в соответствии с нашими нормативными представлениями о нем в отличие от его настоящего, реального бытия (должное в отличие от сущего).

Ценность принадлежит не природному, а «бестелесному» общественному миру, который для естествознания нереален [2, с. 325]. В рамках ценностных представлений мы оказываемся «внутри» отношения между оценивающим субъектом и оцениваемым объектом [2, с. 345]. «Ценности существуют прежде всего в форме практической реализации образцов предпочтения, выбора, оценки. Это исходный способ их существования», — пишет М.А.Розов [3, с. 9].

Принято считать, что ценности служат нормативной формой ориентации человека в окружающем его мире, которая не раскрывая предметного содержания объекта, «кодирует» его в виде готовых регулятивов и оценок. Таковы общественные установки и оценки, императивы и запреты, цели и проекты, выраженные в виде нормативных представлений о добре и зле, справедливости, смысле истории, назначении человека [1]. В соответствии с этими нормативами производится оценка предметов и событий, окружающих человека, — природных, исторических и культурных. О.Г.Дробницкий образно сравнивает ценности с оптической призмой, через которую люди рассматривают окружающую действительность, чтобы определить ее значение для себя.

Ценностное отношение к миру изначально присуще человеческой природе. Во все времена и эпохи человек наделяет смыслом природные и общественные явления и процессы. И он делает это тем интенсивнее, чем важнее становятся эти явления или процессы для него самого, чем больше они затрагивают человека.

Человек — волящее, эмоциональное и вместе с тем познающее существо. Познавательная деятельность его протекает в эмоциональной стихии желаний и действий, направленных на практическое осуществление поставленных целей. Познание — одна из сторон существования его духа. Его сознание — это целостное образование, включающее клубок

страстей — ненависти, любви, желания знать. Здесь — все вместе. Весь мир первоначально представляется ему живущим в соответствии с его собственными нормами. Например, в древней религии — зороастризме — мир предстает как космическая борьба добра и зла. В христианстве смысл истории состоит в конечной победе добра над злом. Наделение всех вещей вокруг себя смыслом, рассмотрение исторических мировых процессов как победу добрых или злых сил — это не архаика, а существенная черта человеческого сознания — его родовой признак.

Вначале мы даем оценку окружающему и уже потом исследуем его. Мир вокруг нас изначально окрашен смыслом. Наше человеческое «я» всегда оказывается в центре этого, полного положительных и отрицательных смыслов, мира. Это значит, что человек осознает и воспринимает окружающий мир вначале нормативно, а уже потом познавательно. Нормы изначально и первичны, т.е. человек всегда воспринимает окружающее в категориях добра, зла, справедливости и т.д. «Я» всегда выступает как центр ситуации — это неразложимое свойство индивидуального сознания. Этот факт экспериментально исследован М.Вертгеймером [4]. Он показал, что это свойство человека не зависит от классовой, национальной или любой другой социальной позиции, а является внутренней характеристикой его сознания, как индивидуального, так и общественного.

Итак, жизнь человека — это сочетание сущего и должного, а вовсе не только сущее, т.е. не только реальность, сводящаяся к предметному миру вокруг него и его социальным отношениям. Жизнь как индивида, так и общества протекает в форме как сущего, так и должного: совмещает действительность и идеал, определяется в конечном счете соотношением действительного и возможного, расстановкой акцентов либо на том, каковой является жизнь в действительности, либо на том, каковой она должна быть с точки зрения ее смысла и ценности [5]. Поскольку человек живет и в сущем и в должном одновременно, то элемент должного (ценностей) пронизывает все области его деятельности, весь его мир.

Есть только одна область деятельности человека, в которой он абстрагируется от должного и ставит себе целью получить знание о сущем в чистом виде, о мире «как он есть на самом деле», без примеси ценностного, должного, часто иллюзорного, внесенного самим субъектом, — таков идеал классического естествознания. И даже если он и не всегда достижим, то стремления всего естествознания, поскольку оно остается наукой, претендует на научное изображение действительности, на очищение от ценностного субъективного мнения.

Естественнаучный подход к предмету — это отстранение себя от объекта, выведение своего «я» из ситуации, рассмотрение данной ситуации (или объекта) как бы вне субъекта — объективно. Умение именно так взглянуть на предмет (т.е. как на объект научного познания) безусловно предполагает высокую культуру мышления, которая сделала такой абстрактный подход традицией общественного сознания.

В самом деле, общеизвестно, что астрономия выдвинулась из астрологии, химия из алхимии. Это значит, что рассмотрение предмета или явления как независимого от нас, утрата им ценностных характеристик, отделение предмета от того значения, которое имеет он для человека, произошло сравнительно поздно. Еще Кеплер рассматривал все планеты как неразрывно связанные с судьбами человека. Его астрологическое отношение к объекту сливалось с астрономическим. Ценностное и естественнаучное отношение были неотделимы друг от друга.

Средневековое мировоззрение (как и мировоззрение античности) исключало возможность вычленения объекта из действительности. Этот тип культуры не мог обеспечить видения вещей самих по себе — такого представления просто не существовало. «Природа» терялась в мировоззренческих наложениях. Ее изучение было невозможно вне идеалов и принципов человека, вне рассуждений о гармонии, совершенстве, смысле и цели. Например, основной психологической трудностью разработки теории кровообращения для

средневекового мировоззрения было убеждение, что по кругу способны двигаться только небесные сущности, отсюда сама идея кровообращения как циклического движения предполагалась «приличествующей» для существ вечных, а не для смертных [6]. Это видение мира не позволяло отделить природу от мира ценностей. Каждое открытие должно было вписываться в традиционную систему смыслов. Постепенно в общественное сознание входила идея, центральная для самой возможности возникновения естествознания — понятие «закона природы», первоначально как закона, установленного в природе Богом. В этом новом образе Вселенной как божественного механизма «природа» была уже подготовлена к познанию методами опытной науки. Сотворенная по Слову и подчиненная Слову природа обеспечивалась постоянным присутствием логической составляющей — некоего плана, заложенного в природу Богом в акте творения. Именно это обстоятельство определяло постижимость человеком природы, выразимость ее явлений в языке науки. Иными словами, предпосылкой возникновения опытной науки в Новое время было понятие закона природы и убеждение в логике, в разумности мироздания. Первоначально за всеми научными физическими и математическими характеристиками мира стояла система символов богословского, теологического характера, которые изживались медленно — в течение целого столетия. И если Лаплас в гипотезе Бога не нуждался, то Ньютон принимал ее за постулативное основание своих исследований. На заднем плане его эмпирико-математической науки стояла «метафизическая гипотеза» — вера в духовное, нематериальное начало. Например, сила тяготения по Ньютону исходит из самого Всемогущего начала, поскольку Бог, по его мнению, присутствует всюду и везде [7].

Первая научная картина мира, таким образом, возникла первоначально как синтез богословских и научных представлений и только постепенно, освобождаясь от религиозных ценностей, складывалась система чисто научных понятий. Так

под влиянием собственной логики, присущей развитию мировоззренческих структур, возникает «Остров Истины в море иллюзий». Кант писал, что страна познания «представляет собой остров, самой природой заключенный в неизменные границы. Это царство истины, окруженное обширным и бушующим океаном» [8] — средоточием иллюзий.

Здесь реализуется стремление к исключению ценностных и субъективных факторов из естественнонаучной теории. Субъект отделяется от исследуемого объекта и стремится, чтобы его интересы, нормы и оценки никак не воздействовали на его исследование и чтобы полученный результат показал действительное положение вещей, не «подтянутое» искусственно к интересам исследующего, не искаженное неволью даже его положением в природе как человеческого существа (не говоря уже о его положении в определенном этносе, нации, классе).

При таком подходе феномены жизни и человека с его духовным миром и социальными отношениями рассматриваются как бы со стороны, не заинтересованно, ставятся в положение лишь объекта исследования. Но все же, вследствие своей неудержимой потребности наделять окружающее ценностями, человек стремится «нагрузить» научные теории смыслом: определять их как дурные или хорошие, прогрессивные или реакционные, важные или неважные, полезные или вредные, добрые или злые. В «жизни» научной теории, как и в мире человеческих отношений, определяющую роль часто начинает играть ценность, которой общество наделяет ту или иную теорию, а не ее истинность. Последняя иногда становится несущественной. Нередко ценностная интерпретация выводов теории отрывается от своего естественнонаучного основания и превращается в знамя, за которое (или против которого) борются разные общественные силы.

Проблема ценностей применительно к биологическому знанию приобретает ныне особый интерес в связи с тем, что нередко специфика биологического знания, его характер,

отличия от знания физического связываются с наличием ценностного фактора в биологии. Наиболее часто вопрос о ценностях в биологии поднимается при обсуждении результатов науки, использование которых чревато социальной опасностью. Возникает вопрос об ответственности ученых, поскольку именно их деятельность приводит к открытиям, применение которых способно привести к негативным последствиям для общества.

Имеется, однако, и другой ракурс аксиологического подхода к биологическому знанию. Это вопрос о том, присутствуют ли в самом научном знании элементы представлений о должном, о смысле, цели, идеале. Имеются ли такие включения в структуре биологической теории? Существуют ли ценности не вне, а внутри научного знания?

Именно с этой точки зрения мы и будем рассматривать далее наличие ценностей в биологии. Обратимся к теории К. Бернара, одного из наиболее видных представителей экспериментально-лабораторной программы, возникшей в середине XIX века. Воздействие этой программы на русскую общественную мысль последней трети XIX в. нашло свое отражение в произведениях классиков русской литературы.

Вот один из случаев восприятия этой теории: цитируем Достоевского: «Вообразим себе: это там в нервах, в голове, то есть там, в мозгу, эти нервы (ну, черт их возьми) есть этакие хвостики у нервов, ну, как только они там задрожат, так и является образ вот почему я и созерцаю, а потом мыслю потому, что хвостики, а вовсе не потому, что у меня душа, что там какой-то образ и подобие, все это глупости Новый человек идет, это я понимаю. А все-таки Бога жалко! Химия, брат, химия. Нечего делать, ваше преподобие, подвиньтесь немножко, химия идет! Только как же, спрашиваю, после этого человек-то? Без Бога и без будущей жизни? Ведь это стало быть теперь все позволено, все можно делать?» [9, с. 28–29].

Это слова Мити Карамазова, одного из героев Достоевского, который (как и автор) находится в явной оппозиции к этим взглядам, приписываемым К. Бернару, потому что в

его теории «душа» и «дух» человека производны от материальных процессов мозга. Тем самым они ломают привычные религиозные представления о мире и человеке, диктуют непосредственные этические выводы и определенную поведенческую программу. «Ух, бернары! Много их расплодилось!» — восклицает герой Достоевского с ненавистью. Даже само имя известного ученого приобретает собирательный характер, как бы олицетворяя отрицательные явления в общественной жизни и звучит как ругательство. В черновых набросках Достоевского к роману есть запись «Бернар» (вместо подлец) [9, с. 321].

По-иному выглядит эта же концепция в глазах А.И.Герцена, Н.Г.Чернышевского, Н.А.Добролюбова и других материалистически ориентированных мыслителей этой эпохи. По их мнению, она полезна для общества и индивида, поскольку разрушает ложные иллюзии, многие века закабальвающие человека, способствует его освобождению.

На эту «освободительную» роль теории эволюции для общества указывал Бертран Рассел. Он утверждал, что теологии пришлось «отказаться от множества аргументов в пользу благодати Проведения, даровавшего животным тончайшую приспособленность к среде, — теперь это объяснялось механизмами естественного отбора [10, с. 164]. Рассел приводит мнение Гладстона при опубликовании книги Дарвина: «На основании того, что называют эволюцией, Бога освободили от трудов творения. Во имя неизменных законов его освободили от правления над миром». Так дарвинизм становится научным обоснованием атеизма. В свою очередь представители противоположных убеждений призывают бороться против материализма и дарвинизма, утверждая тождественность роли этих понятий в общественном сознании.

Приведенные примеры показывают, что идеи и представления, идущие из биологического знания, приобретают смысловую нагрузку в культуре своей эпохи, доставляя этим горести и радости, победу и поражения в столкновении про-

тивоборствующих общественных сил. В рассмотренном случае они способствуют установлению материалистических взглядов на мир и человека. Здесь отчетливо проявляется ценностная компонента этой теории. Такие представления имеют ярко выраженную ценностно-эмоциональную окраску, «размываясь» в обыденном сознании, сквозь призму которого преломляются биологические науки своего времени. При рассмотрении мировоззренческих аспектов вхождения научного знания в культуру нельзя полностью абстрагироваться от этого феномена, который выполняет определенную функцию в создании научной картины мира, участвуя в трансляции научных идей из одной области знания в другую.

Возникает вопрос, какая именно биологическая теория приобретает ценностные наслоения?

На первый взгляд кажется, что частная теория типа теории К.Бернара или теория условных рефлексов, связанная с именем И.П.Павлова, сама по себе не содержит ценностных суждений в своей структуре, целиком опираясь на естественнонаучные факты, эксперименты, эмпирические обобщения. Однако при экстраполяции этих теорий на область социальной действительности оказывается, что некоторые из таких теорий имеют «ценностную выделенность» [11] и приобретают значение весомых аргументов в построении социокультурных концептов. Так при помощи понятий «возбуждения», «торможения» и других, отражающих процессы физиологических механизмов мозга, теория условных рефлексов претендовала на объяснение явлений культуры.

Вводя понятие «псевдо-редукция», А.И.Алешин намечает путь вхождения биологических представлений в сознание общества. С точки зрения логики и методологии науки такая операция представляется незаконно расширительным применением исходных биологических понятий, поскольку претендует на описание областей, качественно отличных от живых объектов и находящихся вне компетенции биологии.